

Е.В. Шелепова

Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности: систематика и анализ*

Совокупность стереотипно-символических (реальных, целесообразных, нормированных) действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, которые несут идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего, а также спустя определенное время после захоронения составляет сущность **погребально-поминального обряда** [1, с. 115]. Соблюдая определенную программу поведения в ходе его реализации, коллектив преодолевал критическую точку бытия – смерть [2, с. 26–27]. Одним из аспектов реконструкции такой схемы поведения и соответствующих ей обрядов у кочевников разных эпох является изучение «ритуальных», «поминальных» и «жертвенных» конструкций.

В период существования на территории Алтая бийкенской (конец IX – 2–3-я четверть VI вв. до н.э.), пазырыкской (2-я пол. VI–III вв. до н.э.) и буланкобинской (II в. до н.э. – 1-я пол. V в. н.э.) культур можно зафиксировать определенные модели организации сакрального пространства. Основными его элементами являлись погребальные сооружения. Кроме этого, отмечены вертикально установленные объекты (стелы, изваяния, «балбалы»), а также кольцевые и подквадратные выкладки или вымостки.

В данной работе рассматривается планиграфия, сакральная ориентировка и конструкция известных групп ритуальных памятников, что позволит проследить динамику их развития и изменения во времени, наличие или отсутствие связей между конкретными видами комплексов обозначенных археологических культур.

Бийкенская культура. Базой для изучения названной темы стали следующие памятники: Бийке, Усть-Бийке-III, IV, Кызык-Телань-I, Кор-Кобы-I, Тыткескень-I, VI, Чоба-7, Ак-Алаха-II, Нижний Тюмечин-II, Песчаная-I, Семисарт, Мухор-Тархата-I. Выявлены две категории ритуальных объектов. **Первую** составляют выложенные или вымощенные камнем округлые, подовальные или подквадратные сооружения. Их можно разделить на *кольца-выкладки* (ограничены выложенными по периметру камнями) и *вымостки* (внутри заполнены в один-два слоя небольшими гальками, а по периметру иногда ограничены более крупными камнями) размерами от

1,6x1,2 до 6,3x5,5 м. Такие объекты обычно находятся в пределах территории окологурганного пространства, «примыкая» к кургану или располагаясь на некотором удалении от него. В ряде случаев зафиксировано их размещение на одной линии с погребальными конструкциями. Одному кургану обычно соответствуют 1–2 выкладки или вымостки. Только возле кургана №27 могильника Покровский Лог-4 обнаружено несколько пар колец-выкладок. Отметим следующие варианты планиграфии расположения рассматриваемых сооружений:

I. Соответствуют конкретному кургану.

1. **Одна** выкладка или вымостка:

а) с севера (к. №85 мог. Тыткескень-VI¹, к. №2 мог. Чоба-7) [3, с. 86–87, рис. 7];

б) с юго-запада (к. №2 мог. Семисарт) [4, с. 7–8, рис. 23];

в) с юго-востока (к. №14, 51 и 52 мог. Кызык-Телань-I, к. №1а–4а мог. Айрыдаш-I) [5, с. 16–17, 31, 34, рис. 12.-1, 3, рис. 52–54, рис. 61.-1; 6, с. 198].

2. **Две** выкладки или вымостки с разных сторон кургана:

а) с северо-востока и юго-востока (к. №27 мог. Покровский Лог-4) [7, с. 127–131, рис. 1.-1];

б) с севера и северо-востока (к. №1 мог. Семисарт) [8, с. 50–51; 4, с. 7, рис. 12];

в) с юга и востока (к. №1 мог. Усть-Бийке-IV) [9, с. 87, рис. 50].

II. Находятся между курганами или в одной цепочке с ними (выкладка №22 мог. Кызык-Телань-I, объекты №5–7 мог. Мухор-Тархата-I) [5, с. 22–23, рис. 30.-1, 2; 10, с. 62–63, рис. 1], в стороне от погребений (выкладка №43 мог. Кызык-Телань-I), вытянуто по линии З–В (или ЮВ–СЗ) (выкладки №24–25, 35–36)² [5, с. 23–24, 28 рис. 33, 34, 43.-1, 2, 50]. У подобных сооружений отмечена неопределенная форма.

Объекты, связанные с конкретными курганами, в основном соответствуют «полноценным» погребениям бийкенской культуры. В одном случае это захоронение в яме лошади без головы с общей ориентацией в западном направлении (к. №2 мог. Чоба-7) [3, с. 86–87, рис. 7]. Под камнями некоторых выкладок и вымосток находят кальцинированные кости животных (корова, лошадь и овца), фрагменты керамики с характерной орнаментацией или без нее,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (НШ-540.2008.6 «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье»).

¹ В работе использованы следующие сокращения: могильник – **мог.**, курган – **к.**

² В южной части выкладки №25 стояла вертикально установленная стела.

следы кострищ. Интересная ситуация выявлена на мог. Айрыдаш-I и Кызык-Телань-I, где под выкладками, расположенными с юго-восточной стороны курганов, в отдельных ямах находились конские захоронения, ориентированные, как и погребения человека, головой на северо-запад.

Для погребального обряда бийкенской культуры характерно помещение лошади отдельно от человека, как правило, в ящике с юго-восточной стороны. Иногда голова у животного отсутствует. Надо полагать, что частью ритуальных действий являлось преднамеренное отчленение конской головы, которая затем использовалась для совершения определенных действий при сооружении рассмотренных выкладок. Части конской головы фиксируются также в разных частях погребальных конструкций (к. №2, 3 мог. Чоба-7, к. №5 мог. Кор-Кобы-I). В отделенной от туловища голове, как свидетельствуют некоторые традиции, аккумулировалась особая сила. Так, в индоевропейских обрядах зафиксировано отделение у жертвенного коня головы и ее долгое хранение отдельно от других частей [11, с. 112–113].

Достаточно интересный обряд захоронения конских голов под вымостками (были устроены по одной линии Ю–С) зафиксирован на мог. Тытыкескень-VI и Бике в Чемальском районе Республики Алтай [12, с. 185, 187; 13, с. 138–140, рис. 1]. Черепа на Тытыкескенском комплексе были уложены по линии ЮВ–СЗ. На обоих памятниках они были ориентированы головой в восточном направлении. Однако отсутствие находок пока не позволяет однозначно отнести данные объекты к бийкенской археологической культуре.

Сходные рассмотренным приемы организации сакрального пространства можно обнаружить на памятниках раннескифского времени на территории Монголии, Тувы, Забайкалья. Это разнообразные выкладки и вымостки, «курганчики», которые составляют комплексы довольно сложной конструкции, занимающие обычно восточный и/или западный сектора околочурганного пространства памятников типа херексуров [14, с. 201–202; 15, с. 21–22, 27; 16, с. 16, табл. 53; 17, с. 104; 18, с. 103–105]. Такие сооружения известны как на рядовых, так и на «элитных» объектах раннескифского времени (например, к. №1 мог. Аржан-IV в Туве) [19, с. 123, рис. 1]. При раскопках названных объектов, занимающих восточный сектор курганов, частой находкой являются конские головы, ориентированные в восточном направлении.

Известны также целые «жертвенные» комплексы (например, в Монголии это памятники Жарагалант, Шивертын ам, Алтан сандал, Цацын эрэг и др.) [16, табл. 9, 11, 21, 30, 46, 50]³. В одних случаях основу таких памятников составляет центральное сооружение подквадратной формы, к которому «пристроены»

³ В дальнейшем изучении таких памятников необходимо проведение раскопок широкой площадью для уточнения планиграфии и конструкции «жертвенников».

выкладки («колечки»), вымостки разной формы, сгруппированные в дуги или ряды. Причем «колечки» иногда «окружают» вымостки. При раскопках таких объектов, а также «курганчиков», находящихся с восточной стороны «жертвенников», нередко обнаруживают лошадиные головы [14, с. 201–202; 20, с. 34–37; 17, с. 103–104]. Частью подобных комплексов являются «оленные» камни (см. подробнее ниже), «чередующиеся» с выкладками и вымостками.

Изучение семантики и назначения отмеченных памятников должно производиться на основе имеющихся свидетельств по погребальному обряду изученных на сегодняшний день памятников бийкенской культуры. На основе текстов Ригvedы, Авесты и других источников установлено, что каменный ящик для погребения может рассматриваться как «алтарь», в котором производилось жертвоприношение умершего [21, с. 106–107]. Сакральной для погребальных камер бийкенской культуры являлась линия ЮВ–СЗ. С юго-восточной (благоприятной) стороны связано захоронение жертвенных лошадей [22, с. 287].

В сакральной ориентировке выкладок раннескифского времени явно доминирует восточная от погребения сторона. У древних индийцев с этой стороной связано совершение жертвоприношений [23, с. 94].

Судя по всему, выкладки и вымостки, занимающие восточный сектор курганов, следует рассматривать как своеобразные жертвенники, а выкладки западного сектора – как сооружения для поминовения умерших. Цели жертвоприношений могли быть разнообразными (жертва-дар, жертва-посланник и др.). Жертвой могла выступать часть вместо целого, приношение жидкой пищей (ее разбрызгивание) [24, с. 28].

Суть самого обряда заключалась в обмене между миром профанным и сакральным посредством жертвы [25, с. 12–13, 16, 20]. Важна была сакральная ориентация – путь, по которому будет доставлена жертва предполагаемому адресату [26, с. 46]. Важным элементом действий при сооружении «жертвенников» и «поминальников» было использование огня, о чем говорят кальцинированные косточки, прокалы от кострищ и др. Как свидетельствуют некоторые источники, сожжение жертвы было знаком полного отделения ее от профанного мира, устранения из мирской среды [11, с. 115].

Ко **второй** группе ритуальных объектов бийкенской культуры отнесены *стелы, обелиски и «оленные» камни*, предназначенные для установки в вертикальном положении и выявленные в конструкции разнотипных памятников: курганов и жертвенных выкладок.

1. Надкурганные стелы и изваяния являлись элементом конструкции погребального сооружения, помещались в центре курганной насыпи, в голове погребенного, над каменным ящиком (к. №8, 9, 15, 17 и 19 мог. Бийке, к. №2 в долине р. Майэмир, к. №17 и 18 мог. Кызык-Телань-I, Кор-Кобы-I, к. №4 мог. Тытыкес-

кень-I, к. №2 мог. Чоба-7, к. №55 мог. Тыткескень-VI, к. №1 мог. Усть-Бийке-IV, к. №9 мог. Усть-Бийке-III, Ак-Алаха-II) [9, с. 114; 27, с. 46–49, рис. 1.-1а, б; 28, с. 24, рис. 17.-1, 2, с. 44, рис. 26.-2, 27.-1, 32.-3; 29, с. 213; 30, с. 25–26, рис. 37–39].

2. Околокурганные объекты отличает расположение на некотором расстоянии от курганов:

а) установлены только с одной стороны кургана, обычно к западу (с отклонениями в юго-западную и северо-западную стороны) (6 случаев) (к. №55 и 85 мог. Тыткескень-VI, к. №1 мог. Семисарт, к. №18, 55 и 59 мог. Кызык-Телань-I [4, с. 7, рис. 22; 5, с. 20, 35, 37, рис. 21, 23, 63, 70.-2; 31, с. 39, рис. 11.-1, 12.-1; 32, с. 110]. Только на двух памятниках это северо-восточная и юго-восточная стороны (к. №17 и 48 мог. Кызык-Телань-I) [5, с. 19, 33–34, рис. 17.-1, 18, 59]. Следует заметить, что некоторые из таких камней были установлены на одной линии с погребальной камерой (ЮЗ–СВ – к. №55 мог. Тыткескень-VI).

б) находятся одновременно с двух противоположных сторон курганов (четыре памятника): к западу и востоку (Ак-Алаха-II, к. №14 мог. Бийке) [27, с. 49; 33, с. 21–28], к северо-западу и юго-востоку (к. №5 мог. Кор-Кобы-I) [34, с. 59, рис. 10, 11]. На последнем памятнике стелы располагались на одной линии (ЮВ–СЗ) по отношению друг к другу и погребальной камере.

3. Являются частью жертвенных комплексов:

а) установлены на выкладках с захоронениями лошадей (к. №51 мог. Кызык-Телань-I, выкладка №45 мог. Айрыдаш) [5, с. 31, 34, рис. 52, 53; 6, с. 198].

б) помещенные в ряд «оленные» камни, сопровождаемые кольцами-выкладками со следами кострищ и фрагментами керамики (комплекс на р. Юстыд, Восточный Алтай) [20, с. 46; 35, с. 13–22, рис. 3–11]. Неподалеку от данных сооружений находятся херекурсы⁴.

На территории Монголии, Тувы, Восточного Казахстана в раннескифское время «оленные» камни помещались на «жертвенных» выкладках или вымостках, «курганчиках», под которыми фиксируются черепа лошадей, непосредственно на насыпи курганов-херекуров, использованы в конструкции погребальных камер или «вынесены» за внешнее кольцо херекура [14, с. 201–215; 17, с. 101–104; 20, с. 35, 37, 48, 60–61, 139; 36, с. 21, 27–29, 66, 71–73, табл. 33, 34.-2, 80; 37, с. 262–263; 38, с. 8; 39, с. 110]. Такие камни обнаружены на погребальных комплексах Аржан и Аржан-2 в Туве [39, с. 110–113].

Вероятно, стелы и изваяния на рассмотренных памятниках выполняли разную роль. В первых двух ситуациях они занимали определенное место в сакральном пространстве погребального сооружения. Способы их установки и сакральной ориентировки, видимо, обуславливались общей ориентацией погребальной камеры (выше отмечалось, что некоторые

стелы располагались с ней на одной линии) и погребенного в ней человека. Установленные вертикально на насыпи курганов камни могли выполнять функцию «памятного знака» [5, с. 77; 20, с. 51]. В ситуации нахождения с разных сторон погребального сооружения – указывали направление, по которому душа умершего должна следовать в загробный мир. Не исключено, что некоторые из таких околокурганных стел, отличающихся небольшими размерами (их высота не превышает 0,6 м, в то время как высота надкурганных стел составляет более 1 м), уплощенной формой, без следов обработки предназначались в качестве «балбалов»-коновязей [31, с. 58, рис. 11]. Определенным подтверждением этому являются рассмотренные выше захоронения лошадей под выкладками с установленными на них стелами.

Комплексы выкладок с конскими черепами и «оленными» камнями подтверждают выявленное выше существование в раннескифское время на территории Центральной и Северной Азии ритуала (обряд) жертвоприношения, одним из элементов которого являлось принесение в жертву лошади. Помимо названного, особое отношение к этому животному зафиксировано, к примеру, по его реалистичным изображениям на «оленных» камнях (с особой тщательностью прорисовывалась голова) [40, с. 106–107], на разнообразных предметах декоративного искусства, петроглифах. Д.Г. Савиновым [20, с. 143] замечено, что «оленные» камни жертвенных комплексов относятся к хронологически более ранним (со стилизованными изображениями оленей), в то время как камни, непосредственно относящиеся к погребениям, содержат реалистичные изображения оленей или таковые отсутствуют вообще.

В рассмотренных материалах бийкенской культуры Алтая из 14 случаев нахождения стел и изваяний в качестве надкурганных объектов только в пяти ситуациях это «оленные» камни. Околокурганные «оленные» камни зафиксированы в трех случаях (Ак-Алаха-II, к. №17 и 18 мог. Кызык-Телань-I). Среди последних выделяется «общеевразийский» (изображены пояс, серьги по бокам) и саяно-алтайский типы (с фигурами животных) [5, с. 71–72].

Свидетельством проведения определенных ритуальных действий являются разрозненные фрагменты керамики, обломки костей животных (в том числе кальцинированных), находимые с западной, северной или северо-западной, реже юго-восточной (один случай) стороны курганов бийкенской культуры отдельными скоплениями, в пределах зольных пятен и кострищ.

Пазырыкская культура. Основные принципы организации сакрального пространства во 2-й половине VI–III вв. до н.э. рассмотрены нами на материалах исследования порядка 50 некрополей⁵, что уже нашло

⁵ Некоторые некрополи отмечены отсутствием выкладок и «балбалов».

⁴ К сожалению, они не исследованы.

отражение в ряде публикаций [13; 41–43; 44, с. 38–43; 45, с. 143–144].

Выкладки. Представляют собой сооружения округлой формы, диаметром 1,5–5 м из уложенных по периметру 8–10 камней. Находятся к западу или северо-западу, реже к востоку, юго-востоку⁶ (или одновременно) на расстоянии от 2,5 до 100–120 м от соответствующих курганов. В двух ситуациях это южное и северное направления (к №1 мог. Ак-Алаха-I). Выявлено также их нахождение между курганными цепочками, вокруг курганов или в одном ряду со стелами [46, с. 87; 47, с. 24; 48, с. 12–13; 49, с. 15; 50, с. 38–44; 51, с. 9], в конце ряда «балбалов» (соответствующие им курганы пока не исследованы) [52, табл. LVI, LXVII; 47, с. 35].

Выкладки, сгруппированные по нескольким объектам, могут соответствовать только нескольким курганам из цепочки, а на других памятниках они образуют параллельные курганам ряды (до трех), расположенные обычно по линии Ю–С. Причем в последующих за первым рядах количество объектов уменьшается. Конкретному кургану соответствуют в разных ситуациях от одного и более сооружений. Однако такое соответствие устанавливается далеко не всегда. Размерами, количеством и планировкой (вокруг кургана, своеобразной дугой) отличаются объекты, выявленные в составе «элитных» комплексов пазырыкской культуры (Кутургунтас: комплекс из 11 примыкающих друг к другу выкладок, Башадар-2, Пазырык, Ак-Алаха-I: комплекс из семи примыкающих друг к другу колец и выкладок с юго-западной стороны; и др.) [51, с. 12; 53, с. 230; 54, с. 25; 55, с. 17–18, 67, рис. 4–6, 85; 56, с. 44–58].

Пока остается неясной датировка ритуальных сооружений комплекса Ороктой-эке, отличающихся некоторыми особенностями (форма объектов подквадратная и прямоугольная) [57, с. 126].

Стелы. На некрополях пазырыкской культуры зафиксирован относительно устойчивый принцип установки вертикальных камней. Стелы находятся на некотором, иногда значительном расстоянии от кургана (до 30 м), только с восточной стороны, нередко выстроены рядами⁷. Их высота составляет от 0,9 до 4,5 м. Внешне это удлиненные камни, часто без специальной обработки [51, с. 15–18; 58; 59, с. 216–217]. Вокруг одной из таких стел при раскопках найдена косточка животного (к. №6 мог. Талда).

Подобные объекты находятся преимущественно рядом с «элитными» пазырыкскими курганами (Кутургунтас, Талда, к. №4 мог. Балык-Соок-1, к. №1 мог. Урочище Балчикова-3 и др.), поэтому их можно рассматривать как своеобразный индикатор высоко-

⁶ Выкладки, группирующиеся к востоку от пазырыкских курганов, пока не исследованы, поэтому к рассматриваемой категории сооружений отнесены предварительно.

⁷ Одна из стел на мог. Талда лежала в западной части выкладки.

го статуса погребенного [51, с. 17, табл. 4, с. 18–19; 56, с. 86; 58, с. 29–36, рис. 1; 59, с. 215–218; 60, с. 119; 61, с. 112; 46, с. 144; 62, с. 53, рис. 2].

«Балбалы». К ним отнесены вертикально установленные камни небольших размеров (высотой от 0,1 м). Всего обнаружены у 71 пазырыкского кургана⁸. Ряды «балбалов» всегда строго перпендикулярны курганной цепочке. В их расположении преобладает восточная ориентировка (63 объекта). У трех курганов такие камни находятся одновременно к востоку и западу⁹ и в двух ситуациях – с западной стороны. На могильнике Ак-Алаха-V (к. №3) «балбалы» находились с восточной и западной стороны самого богатого погребения (захоронение двух мужчин в сопровождении четырех лошадей) [56, с. 44–45].

Корреляция «балбалов» с половозрастным и имущественным показателями соответствующих погребений (учитывались только полностью исследованные объекты) показала, что число или порядок их расположения не всегда соответствовали определенному статусу погребенных. Так, с северо-восточной стороны насыпи к. №1 мог. Ак-Алаха-I (мужчина, девушка, 9 лошадей) найдено всего 2 «балбала» на расстоянии 10 м [56, с. 44–58; 63, с. 14]. «Балбалы» вкапывались также рядом с детскими погребениями (к. №3 мог. Барбургазы-II, к. №20 мог. Малталу-IV).

Рассмотренные материалы позволяют сделать определенные выводы. На некрополях пазырыкской культуры такие невысокие камни не столько отмечали конкретное погребение, сколько закрепляли занятую коллективом территорию (для устройства родовых могильников?).

Стелы и «балбалы» пазырыкских некрополей демонстрируют иной вариант организации сакрального пространства, который нельзя рассматривать в контексте продолжения традиций раннескифского времени. Ко 2-й половине VI в. постепенно угасает, а затем и вовсе исчезает культура «оленных» камней. Отсутствие понимания у «пазырыкцев» символики раннескифских стел и изваяний ярко демонстрируют известные ситуации их использования для перекрытия каменных ящиков погребений, в качестве «балбалов» у курганов и т.д. [64, с. 116].

В целом все этапы развития пазырыкской общности демонстрируют относительно устойчивые принципы расположения околочурганов объектов. Их семантика рассмотрена нами в ряде публикаций [41; 42].

Булан-кобинская культура. На фоне изученности погребальных объектов малочисленной выглядит источниковая база по ритуальным комплексам. Тем не менее достаточно обоснованным представляется

⁸ Отсутствием «балбалов» отмечен ряд некрополей позднего, шибинского этапа пазырыкской культуры (мог. Бураты-I, Уландрык-II).

⁹ К сожалению, погребальные сооружения с этими показателями не раскопаны.

выделение нескольких групп ритуальных сооружений, которые с определенной долей уверенности могут быть синхронизированы с периодом существования булан-кобинской культуры [65, с. 84–88]. Они имеют свои планиграфические и конструктивные особенности.

В первую группу объектов включены *жертвенники, курганы с захоронениями лошади и «поминальные курганы-кенотафы»*.

Жертвенники не образуют одного комплекса с конкретными синхронными погребениями. Представляют собой каменные насыпи округлых или вытянуто прямоугольных очертаний, высотой до 1 м, под которыми вырыты одна или несколько ямок с керамическими сосудами внутри (располагаются обычно по одной линии). В насыпи располагаются более крупные камни и валуны, образующие систему пристроенных друг к другу подпрямоугольных и кольцевых выкладок. Объекты с такими признаками зафиксированы на памятниках Бертек-3–4, объект №3 мог. Мойнак-2, объект №25, к. №24 мог. Кальджин-6. Подобные сооружения известны в кокзельской культуре Тувы, отмечены в Монголии и Хакасско-Минусинской котловине («поминальные» курганы с «захоронениями» сосудов) [66, с. 94–95, рис. 76, 117–118; 67, с. 188–191], а также на территории Восточного Забайкалья [68, с. 24–25, 60].

Памятник такого типа недавно исследован на границе с Монголией в высокогорном районе на памятнике Олон-Курин-гол-7 [69, с. 430–431; 70, с. 45]. Он располагался в конце цепочки курганов пазырыкской культуры. Под каменной насыпью в небольшой каменной выкладке были обнаружены сосуд и косточки барана.

По ряду отмеченных элементов (установка жертвенных сосудов в специальные углубления, ограждающие подквадратные конструкции) «булан-кобинские» ритуальные сооружения близки тюркским оградкам.

Курганы с захоронениями лошади. По внешнему оформлению не отличаются от булан-кобинских курганов и зачастую находятся в одной цепочке с ними (объект №8 мог. Чендек, к. №249 мог. Сары-Бел, к. №23 и 46а мог. Яломан-II, к. №7 мог. Верх-Уймон и др.). Лошади укладывались в разных положениях и с неодинаковой ориентацией. Этот тип памятников является в своем роде уникальным, поскольку не известен в пазырыкской культуре, а в «гунно-сарматское» время отсутствует на других территориях. Однако, как сказано выше, подобный обряд характерен для раннескифского времени; в эпоху раннего средневековья он обнаруживает сходство с ранней группой оградок тюркской культуры.

«Поминальные курганы-кенотафы» также практически идентичны по расположению в курганной це-

почке и конструкции основной массе булан-кобинских погребальных сооружений. Их нельзя назвать типичными кенотафами, так как при исследовании обнаружены только фрагменты керамики, угольки, кости животных (исследовано около 20 таких курганов-кенотафов в составе разных некрополей).

Вторая группа ритуальных сооружений представлена околочурганскими объектами. К ним отнесены *каменные столбики, «обелиски», ритуальные костры и очаги*.

Каменные столбики и «обелиски» зафиксированы около 25 курганов булан-кобинской культуры. Столбики высотой не более 0,8 м располагаются к востоку, западу или югу от соответствующих курганов, иногда в ряд и ближе к «изголовью» могилы. Обелиски, более массивные и грубые в оформлении камни, встречаются реже. Семантика таких объектов осуществлена с учетом того, что они всегда маркировали только мужские захоронения [65, с. 87].

Как и во многих культурах, в памятниках «гунно-сарматского» времени обнаружены многочисленные свидетельства использования огня – костры, очаги, прокалы, выявленные с разных сторон курганов, в межкурганном пространстве (к. №1–4 мог. Тыткескень-VI) [71, с. 126–128, рис. I] или рядом с вертикально вкопанными камнями (к. №43 мог. Яломан) [72, с. 385].

В целом следует отметить, что примерно со II в. до н.э. в связи с проникновением новых групп населения на территорию Алтая (на фоне известных этнокультурных процессов в Центральной Азии: господство держав Хунну II в. до н.э. – I в. н.э. и Сяньби II – перв. пол. IV вв. н.э.), подчинения им местных пазырыкских племен наблюдаются определенные изменения в ритуальной практике. Позднее некоторые элементы последней, вероятно, были восприняты и трансформированы населением тюркской культуры, которая, как установлено, формировалась на территории Алтая, в том числе на основе местного булан-кобинского компонента [73, с. 331–332; 74, с. 12–13; 75, с. 153; 76, с. 19; 77, с. 34–35]. О такой близости свидетельствуют археологические материалы из тюркских оградок и погребений (например, известно, что в изготовлении луков, удил, боевых ножей и кинжалов тюрки продолжали хуннские традиции) [78, с. 77; 79, с. 160; 80, с. 81].

Проанализированные материалы позволили выделить разные группы ритуальных объектов. В результате рассмотрения их планиграфии, конструкции, сакральной ориентировки, установления особенностей связи с погребальными сооружениями выявлено отсутствие прямой преемственности между бийкенской, пазырыкской и булан-кобинской культурами.

Библиографический список

1. Ольховский, В.С. К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие / В.С. Ольховский // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М., 1999.
2. Байбурин, А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры / А.К. Байбурин // Этнознаковые функции культуры. – М., 1991.
3. Ларин, О.В. Раскопки могильника Чоба-VII / О.В. Ларин, А.С. Суразаков // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994.
4. Марсадолов, Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае / Л.С. Марсадолов. – СПб., 2001. – (Материалы СААЭГЭ. Вып. 4).
5. Суразаков, А.С. Археологический комплекс Кызык-Тельня-1 в Горном Алтае и результаты его изучения / А.С. Суразаков, А.А. Тишкин. – Барнаул, 2007.
6. Суразаков, А.С. Раскопки в долине Айрыдаш / А.С. Суразаков // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990.
7. Шульга, П.И. Работы в долине реки Сентелек / П.И. Шульга, М.А. Демин, Ю.И. Гельмел, С.М. Ситников, Н.Ф. Шульга // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2003. – Вып. XIII.
8. Марсадолов, Л.С. Новые исследования Эрмитажа в Саяно-Алтае / Л.С. Марсадолов // Археологический сборник. – СПб., 1998. – Вып. 33.
9. Тишкин, А.А. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай) / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов. – Барнаул, 2005.
10. Ларин, О.В. Раскопки могильника Мухор-Тархата-1 / О.В. Ларин, В.А. Могильников, А.С. Суразаков // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994.
11. Антонова, Е.В. Об останках животных в памятниках бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК) / Е.В. Антонова // Центральная Азия: источники, культура. – М., 2005.
12. Шелепова, Е.В. Новые сведения в захоронениях конских черепов (по результатам исследования памятника Тьткескень-VI) / Е.В. Шелепова // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул, 2007.
13. Шелепова, Е.В. Некоторые результаты изучения ритуальных объектов на памятнике Тьткескень-VI / Е.В. Шелепова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2007. – Вып. XVI.
14. Новгородова, Э.А. Древняя Монголия / Э.А. Новгородова. – М., 1989.
15. Коновалов, П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье) / П.Б. Коновалов. – Улан-Удэ, 1999.
16. Волков, В.В. Оленные камни Монголии / В.В. Волков. – М., 2002.
17. Ковалев, А.А. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии / А.А. Ковалев, Д. Эрдэнэбаатар // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул, 2007. – (Труды САИПИ. Вып. 3).
18. Цыбиктаров, А.Д. К вопросу о культурной принадлежности оленных камней монголо-забайкальского типа / А.Д. Цыбиктаров, С.В. Данилов // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2000.
19. Марсадолов, Л.С. Памятник Аржан-IV в Туве / Л.С. Марсадолов // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ, 2004.
20. Савинов, Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии / Д.Г. Савинов. – СПб, 1994.
21. Тишкин, А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая / А.А. Тишкин. – Барнаул, 2007.
22. Тишкин, А.А. Погребальная практика носителей бийкенской культуры: семантика археологического комплекса / А.А. Тишкин, И.Ю. Леонова // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк, 2005. – Т. II.
23. Подосинов, А.В. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии / А.В. Подосинов. – М., 1999.
24. Жеребина, Т.В. Система жертвоприношений у шаманистов Северной Азии (к проблеме типологии) / Т.В. Жеребина // Жертвоприношение: ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. – М., 2000.
25. Дмитриева, Т.Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение: ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней / Т.Н. Дмитриева. – М., 2000.
26. Косарев, М.Ф. Приобщение к внеземным сферам в сибирском язычестве (по жертвенным ритуалам и погребальным обрядам) / М.Ф. Косарев // Жертвоприношение: ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. – М., 2000.
27. Тишкин, А.А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катунь / А.А. Тишкин // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994.
28. Тишкин, А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их / А.А. Тишкин // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996.
29. Тишкин, А.А. Бийкенское святилище в Горном Алтае / А.А. Тишкин // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб., 2000.
30. Марсадолов, Л.С. Изучение археологических памятников Западного Алтая / Л.С. Марсадолов, З.С. Самашев. – СПб., 2000.
31. Кирюшин, Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. – Барнаул, 1997.
32. Тишкин, А.А. Курганы бийкенской культуры на памятнике Тьткескень-VI / А.А. Тишкин, С.С. Матренин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2007. – Вып. XVI.
33. Полосьмак, Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке / Н.В. Полосьмак // Altaica. – Новосибирск, 1993. – №2.
34. Суразаков, А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-1 / А.С. Суразаков // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990.

35. Кубарев, В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни) / В.Д. Кубарев. – Новосибирск, 1979.
36. Волков, В.В. Оленные камни Монголии / В.В. Волков. – Улан-Батор, 1981.
37. Кубарев, В.Д. Предварительные результаты полевых работ в Монголии / В.Д. Кубарев, Д. Цэвэндорж, Е. Якобсон // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998.
38. Марсадалов, Л.С. Исследования в Восточном Казахстане в 1997 г. / Л.С. Марсадалов, З.С. Самашев, Я.А. Шер, А.С. Ермолаева, Ж.К. Курманкулов, М. Жетибаев // Отчетная археологическая сессия за 1997 г. – СПб., 1998.
39. Чугунов, К.В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая / К.В. Чугунов // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул, 2007. – (Труды САИПИ. Вып. 3).
40. Савинов, Д.Г. Об оленных камнях «смешанного» типа / Д.Г. Савинов // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул, 2007. – (Труды САИПИ. Вып. 3).
41. Шелепова, Е.В. Основные подходы к изучению поминальных памятников пазырыкской культуры / Е.В. Шелепова // Студент и научно-технический прогресс. – Новосибирск, 2005.
42. Шелепова, Е.В. Планиграфия «поминальных» сооружений пазырыкской культуры Алтая / Е.В. Шелепова // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005.
43. Шелепова, Е.В. Результаты и перспективы изучения поминальных комплексов скифской эпохи Алтая / Е.В. Шелепова // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – Барнаул, 2005.
44. Тишкин, А.А. Изучение «поминальных» сооружений пазырыкской культуры Алтая / А.А. Тишкин, Е.В. Шелепова // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул, 2006. – Вып. II.
45. Тишкин, А.А. Околокурганые объекты на памятниках скифского времени Яломанского археологического микрорайона / А.А. Тишкин, Е.В. Шелепова // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2006. – Вып. 3, 4.
46. Худяков, Ю.С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая / Ю.С. Худяков // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб., 1996.
47. Кубарев, В.Д. Курганы Юстыда / В.Д. Кубарев. – Новосибирск, 1991.
48. Кубарев, В.Д. Курган скифского времени в устье р. Тургунды / В.Д. Кубарев // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992.
49. Могильников, В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая / В.А. Могильников // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983.
50. Соенов, В.И. Раскопки поминальных сооружений на пазырыкском могильнике Усть-Кырлык-II / В.И. Соенов // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2003. – №11.
51. Марсадалов, Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда) / Л.С. Марсадалов. – СПб., 1997.
52. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка / В.Д. Кубарев. – Новосибирск, 1987.
53. Руденко, С.И. Горноалтайские находки и скифы / С.И. Руденко. – М.; Л., 1952.
54. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – М.; Л., 1960.
55. Полосьмак, Н.В. «Стерегиущие золото грифы» / Н.В. Полосьмак. – Новосибирск, 1994.
56. Полосьмак, Н.В. Всадники Укока / Н.В. Полосьмак. – Новосибирск, 2001.
57. Худяков, Ю.С. Раскопки поминальных сооружений в долине р. Ороктой / Ю.С. Худяков // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – №6.
58. Кирюшин, Ю.Ф. Исследование и музеефикация «царского» кургана в долине Сентелека / Ю.Ф. Кирюшин, П.И. Шульга, М.А. Демин, А.А. Тишкин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2001. – Вып. XII.
59. Шульга, П.И. Погребально-поминальный комплекс скифского времени на реке Сентелек / П.И. Шульга // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб., 2000.
60. Суразаков, А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения / А.С. Суразаков. – Горно-Алтайск, 1988.
61. Шульга, П.И. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек / П.И. Шульга, В.В. Горбунов // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002.
62. Кубарев, В.Д. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула) / В.Д. Кубарев, П.И. Шульга. – Барнаул, 2007.
63. Кирюшин, Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры / Ю.Ф. Кирюшин, Н.Ф. Степанова, А.А. Тишкин. – Барнаул, 2003.
64. Шелепова, Е.В. К вопросу о «переиспользовании» «оленных» камней в памятниках тюркской культуры / Е.В. Шелепова // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул, 2007. – (Труды САИПИ. Вып. 3).
65. Матренин, С.С. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) / С.С. Матренин, Е.В. Шелепова // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2007.
66. Кызласов, Л.Р. Древняя Тува / Л.Р. Кызласов. – М., 1979.
67. Овчинникова, Б.Б. О поминальном обряде древних племен в гунно-сарматскую эпоху в Туве (по материалам могильника Даг-Аразы) / Б.Б. Овчинникова // Евразия сквозь века. – СПб., 2001.
68. Асеев, И.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья / И.В. Асеев, И.И. Кириллов, Е.В. Ковычев. – Новосибирск, 1984.
69. Молодин, В.И. Мультидисциплинарные исследования российско-германско-монгольской экспедиции в Монгольском Алтае / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Д. Цэвэндорж, В.П. Мыльников, А. Наглер, М. Баярсайхан, Д. Байтилеу, Ю.Н. Гаркуша, А.Е. Гришин, И.А. Дураков, Ж.В. Марченко, М.В. Мороз, А.П. Овчаренко, Х. Пиецонка, А.С. Пилипенко, Е.А. Слагода, И.Ю. Сносаренко, А.Л. Субботина, А.Н. Чистякова, А.Г. Шатов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредель-

ных территорий. – Новосибирск, 2006. – Т. XII, ч. I.

70. Молодин, В.И. Исследования российско-германско-монгольской экспедиции на северо-западе Монголии летом 2006 г. / В.И. Молодин // РА. – 2007. – №4.

71. Кирюшин, Ю.Ф. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тьткескень-VI на Средней Катуни / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, Ю.Т. Мамадаков // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992.

72. Тишкин, А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий / А.А. Тишкин. – Новосибирск, 2007. – Т. XIII.

73. Вайнштейн, С.И. Памятники 2-й половины I тыс. в Западной Туве / С.И. Вайнштейн // Труды Тувинской комплексной экспедиции. – М.; Л., 1966.

74. Борисенко, А. Основные проблемы изучения культуры древних тюрок в Центральной Азии / А. Борисенко, С.Г. Скобелев, Ю.С. Худяков // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000.

75. Поздняков, Д.В. Формирование древнетюркского населения Горного Алтая по данным антропологии / Д.В. Поздняков // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2001.

76. Кубарев, Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников) / Г.В. Кубарев. – Новосибирск, 2005.

77. Тишкин, А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) / А.А. Тишкин : автореф. дис. докт. ист. наук. – Барнаул, 2006.

78. Васютин, А.С. О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников / А.С. Васютин // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1985.

79. Илюшин, А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая / А.М. Илюшин // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000.

80. Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в XIII–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие) / В.В. Горбунов. – Барнаул, 2006.